

Как выстояла школа

75
ПОБЕДА!
1945-2020

Одну тысячу сорок два года **восемнадцать** **дней длилась Великая** **Отечественная война,** **и каждый из них** **людям того времени** **надо было прожить** **так, чтобы эта цифра** **не увеличилась.** **На переднем крае** **возможность погибнуть** **была более чем** **велика, и она настигла** **очень многих, почти** **половину из тех,** **кто ушел на фронт.** **Но в тылу надо было** **жить, причем из всех** **сил, так, чтобы твой** **родственник, сосед,** **знакомый, пребывающий** **в окопах, понимал, чувствовал,** **что за ним стоит** **огромная страна,** **его близкие люди.** **В проекте «Краевые** **сороковые» мы хотим** **не просто расска-** **зать о том, что проис-** **ходило в городах,** **селах, деревнях** **нашей земли, но и,** **по возможности,** **прожить эти дни** **с нашими предками.**

Основная черта школы военных лет – критическая нехватка всего: перьев, карандашей, чернил, тетрадей, учебников, парт, еды, дров, транспорта... Наконец, самих школ, учителей и учеников.

Множество зданий, где до войны учились дети, стали госпиталями, военными предприятиями. Только в одном Красноярске из системы образования ушли 20 школ – значительная по тем временам цифра. Учеников приходилось загонять за парты, особенно в деревнях, – все, кто уже имел хоть какую-то силу в руках и ногах, тащили вместе со взрослыми невероятную тяжесть тылового труда, как, например, мой пожилой сосед: семилетним он уже пас колхозных телят, получая за это кружку молока в день и, если повезет, кусок хлеба. Учеба стала роскошью, хотя очень много делалось для того, чтобы как можно больше детей получали хотя бы кусочек от этой роскоши.

Большим дефицитом в первый год войны стали сами учителя. Статистика на этот счет однобокая, но все равно выразительная: к началу 1942 года на фронт ушли 163 директора школ, 23 заведующих районными отделами образования. Сколько ушло рядовых педагогов, остается только представлять, но очевидно, что много, поскольку в те времена профессия учителя еще не была тотально женской. Да и сами женщины-педагоги уходили работать на предприятия и на фронт воевать...

Экзамен для Васи

Но все же власть всерьез берется за подготовку к учебному году. В целом по краю назначены 1678 учителей из числа студентов – главным образом студенток – и эвакуированных. Дело осложнялось еще и тем, что по требованиям всеобщего (всеобщего военного обучения) необходимо было организовать военную подготовку школьников, и это помимо организации занятий по основным предметам школьной программы и обеспечения всего учебного процесса. Ответственность за выполнение этой работы легла на местное руко-

водство, которое к тому же никто не освобождал от почти непосильных трудовых планов. Потому и получалось далеко не у всех. Вот один из документов 1942 года.

Заведующий краевым отделом народного образования К. Филиппов сообщал: «Решение СНК РСФСР об ответственности председателей районных и сельских советов за проведение практических мероприятий, обеспечивающих осуществление всеобщего (подвоз детей, топливо), не выполнено. Председатель Партизанского исполкома райсовета Степанов заявил, что если го-

рячие завтраки в школьных буфетах не везде были в довоенное время, то теперь тем более не до буфетов в школах. Секретарь Тюхтетского РК ВКП(б) Козлов заявил, что он перегружен важными делами и ему не до школ. Были перебои с топливом, не развернута сеть интернатов: по плану должно быть 553, было 158».

Но это еще не все – в край потоком пошли эвакуированные, среди которых были тысячи детей. И если своих сибирячков отправить в школу было чрезвычайно трудным заданием, то охватить учебной такой ораву – делом почти непосильным, причем не только для начальства, но и для родителей и самих учеников. Попросту говоря, ходить в школу было некогда и не в чем. Так, из 8 998 эвакуированных детей, размещенных в 29 районах края, по данным крайоно, школой были охвачены 1 231, то есть меньше седьмой части. А если говорить в целом, то из доклада К. Филиппова следует, что «в начале учебного года вне школы осталось 37 592 человека».

Обычной практикой того времени стала ловля «уклонистов», которые, по правде говоря, были бы рады учиться, но жизнь заставляла заниматься совсем другим. Учителя пытались наверстать программу, занимаясь с детьми летом, но это не помогало вернуть учебный процесс в более-менее нормальное русло.

Да и не только в голоде, работе, нехватке одежды была беда. **Ольга Лаврова, учительница из Иланского,** вспоминает поразительный, но для тех лет вполне типичный случай, который произошел на экзамене для семиклассников. «У меня дети сдавали зоологию. Первые три билета берут ребята, хорошо знающие предмет. Берет и Вася (к своему стыду, забыла фамилию). Вася взял билет, на ходу читает и вдруг: «Я по этому билету не могу отвечать ни на один вопрос, ничего не знаю». И это лучший ученик в классе. Вижу, ребенок сам не свой, что-то ему не по себе. Нехорошо и мне. Председатель комиссии разрешает взять другой билет и снова: «Я ничего не знаю». Нарушаю инструкцию, встаю из-за стола, подхожу, сажу Васю за парту и прошу подумать. Вдруг стук в дверь, выхожу. У двери мама Васи с заплаканными от слез глазами. Спрашивает: «Вася в классе? Чуть свет убежал из дома, не сказав куда. У нас в доме беда. Вчера получили похоронку на от-

ца, а вечером корова из стада пришла со вздутым животом. Ночью дорезали. Всю ночь не сомкнули глаз...» Вася отвечает по второму билету. Отвечает хорошо. Чувствуется, собрался мальчик. Прошу председателя комиссии задать вопрос по первому билету. Отвечает обстоятельно... Какое же самообладание было у ребенка. Не позволил себе просить директора об освобождении от экзаменов».

Помимо учебы и работы, школьники помогали раненым – помогали им писать письма, дежурили в палатах, устраивали самодеятельные концерты.

С миру по книжке

Оправившись от первого шока, власти начали прилагать усилия для системной организации учебного процесса. Во многих школах налаживали бесплатное питание, разумеется, по возможностям того времени, чтобы ребенок мог получить хотя бы стакан горячего чая (чаще всего морковного), кусочек хлеба и вареную картошку. Тех, кто особенно ослабел, старались прикрепить в рабочем столовом. Чтобы вернуть детей в школу, родителям выделяли материальную помощь на приобретение одежды. В крае увеличилась сеть интернатов.

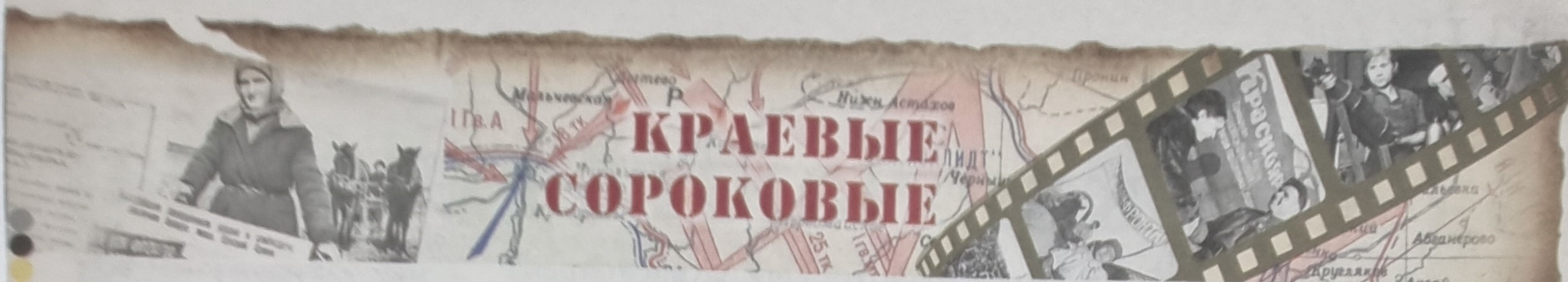
Одним из самых заметных решений первой военной зимы стал приказ крайоно от 15 февраля 1942 года о закупке подержанных учебников у населения. На деле это выглядело так: школьники ходили по домам, выясняли, какая учебная литература имеется у жителей, что из этого можно купить, что – обменять или взять на реставрацию. В течение года красноярскими торговыми организациями и школами закуплено более 1,25 миллиона подержанных учебников, в следующем 1943-м купили еще на 230 тысяч больше. Но и такого количества все равно не хватало на всех. По воспоминаниям **Любови Алексеевны Майоровой,** «часто учебник был один на всю улицу, а на уроках чтения учитель или кто-то из нас читал рассказ, а другие пересказывали».

В том же году уже на уровне крайисполкома принимается решение об изготовлении промышленными предприятиями письменных принадлежностей. Наряду с пушками, снарядами, автоматами в планах заводов появляются пеналы, линейки, треугольники, сумки, портфели, чернильницы и даже поясные ремни

Ходить на уроки было некогда и не в чем. Так, из 8 998 эвакуированных детей, размещенных в 29 районах края, по данным крайоно, школой были охвачены 1 231, то есть меньше седьмой части

Юные артисты из детского колхозного ансамбля, 1942 год

КРАЕВЫЕ СОРОКОВЫЕ

Учащиеся красноярской школы № 10, 1941 год

Пионерский лагерь Красмаша в годы войны

для учащихся ФЗУ. Правда, кардинально решить проблему это не помогло, и не только по школьной канцелярии... В начале нового 1942/43 учебного года крайком ВКП(б) подводит итог: «Строительство новых школьных зданий в этом году не проводилось. Капитальный ремонт проходил в 333 школах, в остальных школах текущий». Кроме того, говорится в докладе, из 42 миллионов тетрадей, необходимых школьникам, в наличии имелось лишь два миллиона, плюс еще 200 тысяч в самих школах. Бедственной названа ситуация с письменными принадлежностями.

Взят курс на самообеспечение школ – разумеется, не полное, а по возможностям. Но в любом случае каждый ученик должен получить горячий завтрак и хотя бы минимум теплой одежды. Как сле-

дует из доклада крайкома, не у всех получалось этому курсу соответствовать.

«В целях лучшего обеспечения школ буфетами и горячими завтраками школы произвели посев на своих пришкольных участках: зерновых – 2 238 га, огородных культур – 895 га, всего 3 134 га. Безответственно отнеслись к выделению земельных участков для школьных посевов, обеспечению их семенами руководители Даурского, Рыбинского, Партизанского районов. В Рыбинском районе план посева на пришкольных участках – 88 га, посеяли – 41 га. Большую роль в проведении всеобщего будет иметь создание фонда одежды, обуви и денежных средств. Хорошо эта работа проводится в Красно-туранском районе. Они имеют 145 пар обуви, 111 комплектов теплой одежды, 514 кг шерсти.

Прилагаются все силы, чтобы вернуть хоть какие-то элементы довоенной школьной жизни. Учителей обязывают составлять планы каникул, во время которых нужно устраивать игры на свежем воздухе, соревнования, политинформации

Гороно Красноярска докладывало, что во всех учебных заведениях открыты швейные и сапожные мастерские, а каждый ученик получает по утрам 50 граммов хлеба

И совершенно не занимаются этим вопросом руководители Уярского, Большемуртинского, Емельяновского, Тасульского районов».

Однако гороно Красноярска докладывало, что во всех школах краевого центра открыты швейные и сапожные мастерские, а каждый ученик получает по утрам 50 граммов хлеба.

Елки проводить днем и без света

Но постепенно система школьного образования начинала, хоть и с большим трудом, встраиваться в реалии военного времени, искать новые формы обучения. «Красноярский рабочий» в номере от 24 ноября 1944 года рассказал, как была устроена продленка тех лет: ее при поддержке власти и предприятий организовали в начальной школе № 42 краевого центра для класса из 33 первоклассников.

«Дети из этого класса в школе занимаются во вторую смену, с часа дня. Поэтому «рождественский день» семилеток мы построили так. Собираются они в школу к 8 часам утра. В 9 завтрак и затем, в хорошую погоду, – прогулка, в ненастье – игры в комнате, чтение интересных книжек. С 11 часов ребята готовят уроки, в 12 – обед, и с часа дня дети начинают академические занятия. В 5 часов, после уроков, расходятся по домам. С утра и до начала занятий дети находятся под наблюдением учительницы Б. Т. Жуковой. Такой распорядок позволил нам в течение всего дня не оставлять ребят без надзора и руководства. С начала октября начал регулярную работу класс продленного дня и при друтой школе – № 24. Здесь мы организовали дело несколько иначе. Шефы, руководители завода «Красный Профинтерн», предоставили семилеткам не-

сколько комнат в заводском детском садике. В этом классе 55 детей занимаются в две смены. С 8 утра и до начала занятий в школе в классе продленного дня находится одна группа. С часа дня, после академических школьных занятий, другая группа...»

При этом прилагаются все силы для того, чтобы вернуть хоть какие-то элементы довоенной школьной жизни. Учителей обязывают составлять планы каникул, во время которых нужно устраивать игры на свежем воздухе, соревнования, политинформации, катание на санках с гор, устраивать громкие читки духоподъемной литературы, обязательно провести «однодневник» по сбору металлолома. И само собой – праздники. В одном из приказов крайкома четко сказано: «Организовать проведение новогодней елки во всех начальных и средних школах за счет привлечения средств общественности, профсоюзов, колхозов. Обязать крайпотребсоюз выделить необходимое количество продуктов – сахара, конфет, печенья – для праздничных угощений». Особое свидетельство времени – последняя фраза: «Елки проводить только днем и без света».

Александра Петровна Карасева в 1938 году поступила в Красноярский педагогический институт, в годы войны работала в школе поселка Солонцы. До 1955 года преподавала в старейших учреждениях города – школах № 4 и 20 (сейчас это лицей № 2). В 1959 году в Красноярске открылась новая школа № 64, в ней педагог проработала до выхода на пенсию в 1977 году. «Я пришла на работу в школу в военные годы. Очень трудное было время, – вспоминает Александра Петровна. – Отоп-

ления в сельской школе не было, на каникулах мы с ребятами ездили на заготовку дров, а перед уроками сами топили печь. В морозы занимались в пальто, шапках и перчатках. Родители учеников сутками припадали на работе, дети были предоставлены сами себе. Учитель было немного, ребяташки по большей части были трудолюбивыми, смышлеными, а в школе была железная дисциплина. Учителем с терпимостью относились к занятиям родителей, старались даже в scarce leisure время уделять внимание детям. Развлечений не было, так что по вечерам, например, театра было большим праздником. До приездских театров мы из Солонцов ходили пешком».

«Ослабла и перестала различать буквы...»

Трудно вывести нечто «среднестатистическое» из огромного множества биографий. Но все же закончить хочется рассказом человека, которого можно назвать типичным школьником Красноярского края военных лет. Точнее, школьницей. Это Людмила Ильинична Лендель из Лесосибирска.

«В нашей деревне в Кежемском районе была только начальная школа, а семилетка – за десять километров от нас. Там я и училась. Жила на квартире у старичков, впроголодь, полураздетая, полуразутая, но очень хотела учиться. Учебный год во время войны начинался с первого октября. После пятого класса я работала нянечкой в детских яслях. По окончании шестого класса рыбачила вместе со своей мамой. Добывали переметами красную рыбу, сдавали ее в рыбтрест. Получала мама какие-то конейки, но раз в месяц давали печатку мыла и килограмм соли, что бы-

ло дефицитом. В третье военное лето мне было 14 лет, я была уже рослой девочкой. Мама предупредила, что учиться больше не буду – негде и не на что. Я обратилась к председателю колхоза с просьбой дать возможность заработать, и мне предложили «водить почту» по реке: 36 километров в одну сторону и обратно тянуть лодку бечевой. На этом пути порог и три шиверы. Боялась, чтоб не сорвало меня с камней, за которые надо было крепко держаться руками и тянуть нагруженную лодку. За лето заработала два мешка муки, мать разрешила учиться в восьмом классе. Жить надо было за сто километров от нее. Электричества и керосина не было. Часто жила голодом, ослабла, перестала различать буквы...»

Иван ПЕТРОВ

В статье использованы материалы книг «Красноярск – Берлин, 1941–1945» и «Трудовой фронт Красноярья, 1941–1945», krasobr.admkrsk.ru